

тексте — не скѣпъ изключаетъ къ цѣнкѣ⁶. Справщики, отказавшиеся от древней редакции перевода, не знали того, что лексема *ἀκριβο-*, в классическом греческом языке подразумевавшая понятия точности, скупости, к кирилло-мефодиевской эпохе претерпела расширение значения, включив в себя и понятие дорогой цены, высокой стоимости (Chantraine I, 51).

¹ Цейтлин Р. М. О старославянских словах, которых нет в рукописях старославянского языка. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, 70.

² Цейтлин Р. М. К истории слова *драгоценный* в русском литературном языке. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, 184.

³ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, 411.

⁴ Kretzenbacher L. Verkauf um 30 Silberlinge. — Schweizerisches Archiv für Volkskunde, 57. Bd. Basel, 1960, 1—17; Reiner E. Thirty Pieces of Silver. — In: Essays in Memory of E. A. Speiser. New Haven, 1968, 186—190; Colella P. Trenta denari. — Rivista Biblica Italiana, t. 21. Roma, 1973, 325—327.

⁵ Γριφίδιον καταυχτιχόν. 'Εν 'Ρώμῃ, 1879, 657.

⁶ Триодъ постная. М., 1975.

Г. К. Венедиктов

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Происхождение подавляющего большинства новых слов в литературных языках имеет спонтанный характер, и установить, кто именно из носителей этих языков и когда создал (составил, сочинил, придумал) и впервые употребил то или иное новое слово, практически невозможно. Лексиколог нередко вынужден в лучшем случае довольствоваться только установлением первой (наиболее ранней) фиксации новых слов в печатном или рукописном тексте¹, которая сама по себе еще не может быть свидетельством того, что их создателем является автор данного текста. Вместе с тем лексикология не отказывается от выявления слов, обязанных своим возникновением словотворчеству конкретных лиц — писателей, ученых, журналистов и других представителей интеллигенции. Определение вклада того или иного лица в обогащение лексики литературного языка составляет хотя и не главную, но важную и во всяком случае весьма интересную задачу в изучении истории лексики литературного языка.

Вопрос о словотворчестве болгарских писателей и других лиц в болгарской лексикологии поставлен давно, но сделано в этой области не так много. Еще в середине 50-х годов крупнейший историк болгарского литературного языка Л. Андрейчин писал: «Очень слабо изучено самостоятельное словотворчество наших книжников эпохи Возрождения»². За истекшие с тех пор три десятилетия изуче-

ние этого вопроса несколько продвинулось вперед. Он рассматривается во многих работах, посвященных характеристике языка и стиля ряда писателей и других видных деятелей эпохи национального Возрождения болгар (Софроний Врачанский, Анастас Кипиловский, Георгий Раковский, Петко Славейков и др.), писателей конца XIX—начала XX в. (Иван Вазов, Пенчо Славейков и др.). Значительное внимание уделяется ему также в работах, характеризующих пуристическую деятельность борцов за чистоту болгарского языка (Иван Богоров, акад. А. Теодоров-Балан и др.). В них приводятся целые списки слов, созданных и введенных в болгарский язык, как полагают исследователи, конкретными представителями болгарской культуры. Не все из этих слов закрепились в литературном языке. Многие из них не вышли, вероятно, за рамки употребления их создателей, и лишь незначительная их часть входит в лексический фонд литературного языка наших дней.

Однако результаты, полученные в изучении словотворчества определенных лиц, таковы, что сейчас еще рано говорить о реально установленном, а не о выдаваемом за реальный вклад отдельного писателя или иного лица в обогащение лексики литературного языка. Далеко не все слова, признаваемые творением соответствующих деятелей, в действительности созданы ими. «Авторская атрибуция» целого ряда таких слов оказывается ошибочной. Она нередко базируется на ограниченном материале, без изучения лексики, зафиксированной в сочинениях предшественников и современников тех деятелей, которым приписывается создание тех или иных слов. Обращает на себя внимание и то, что, как это будет видно и из настоящей статьи, авторы некоторых работ, признавая отдельных писателей или других деятелей культуры создателями каких-либо слов, проходят мимо данных, содержащихся в давно изданных словарях болгарского языка и явно этому противоречащих. Нельзя не отметить также и того, что при характеристике вклада отдельных лиц в обогащение лексики болгарского языка нередко приводятся без критической проверки те же слова, которые указаны в ранее опубликованных трудах других исследователей или, наоборот, не учитываются данные других работ. Все это, а также слабая изученность истории лексики современного болгарского литературного языка (особенно в период его формирования) заставляет критически относиться к высказанным в литературе суждениям о словотворчестве тех или иных писателей и других деятелей культуры и подвергать эти суждения проверке на конкретном материале. Необходимость такой проверки диктуется также и тем обстоятельством, что целый ряд слов, несомненно приписываемых словотворчеству конкретных лиц, переходит из исследовательских работ в учебные пособия и иные сочинения, адресованные массовому читателю, и этим в сознании многих читателей закрепляется превратное представление о заслугах данного лица в обогащении лексики родного языка. Одним из последних примеров этому может служить обширная статья «Взлещебно огледало» популярного писателя Николая Хайтова, недавно опубликованная в литературном журнале «Септември», а затем вы-

шедшая и отдельным изданием. В ней Н. Хайтов, повторяя высказанное ранее мнение специалистов-исследователей, в качестве примеров удачных лексических новообразований («сполучливи самокрыйни думи») известного болгарского пуриста И. Богорова (ок. 1820—1892) приводит *вестник*, *чакаля*, *часовник*, *сричка*, *околност*, *бележка*, *врѣзка*, *сегашен*³. В действительности, однако, только *сричка* и *чакаля* пока, до более обстоятельного изучения лексики болгарского литературного языка первой половины XIX в., еще можно, по-видимому, считать новообразованиями И. Богорова. Что же касается *вестник*, *часовник*, *околност*, *бележка*, *врѣзка*, *сегашен*, то они употреблялись в болгарском языке и до начала литературной деятельности И. Богорова⁴, и, следовательно, считать их результатом его собственного словотворчества нет оснований. В этой же статье Н. Хайтов называет и ряд слов, созданных, по его мнению, крупнейшим болгарским писателем Иваном Вазовым (1850—1921): *влак*, *дрешник*, *дървосад*, *излет*, *крѣжило*, *паровоз*, *плочник*⁵. В действительности, как будет показано ниже, по крайней мере некоторые из этих слов считать новообразованиями И. Вазова также нет оснований.

Подобного рода ошибок в «авторской атрибуции» целого ряда слов, в том числе и слов, закрепившихся в литературном языке, в болгарской лексикологической литературе накопилось, к сожалению, немало, и их следует исправить. В настоящей статье речь пойдет о некоторых словах, которые разными исследователями ошибочно или без должных оснований признаются новообразования И. Вазова.

И. Вазов, как известно, сыграл значительную роль в окончательном становлении норм современного болгарского литературного языка. В области лексики его заслуги состоят прежде всего в том, что он содействовал упрочению ее народно-разговорной основы и обогащению ее новыми словами народного и книжного происхождения. Исследователи отмечают, что в стремлении обогатить лексику литературного языка И. Вазов прибегал к словотворчеству. Однако относительно места словотворчества в обогащении им лексики мнения исследователей существенно расходятся. Л. Андрейчин полагает, что «к самостоятельному словотворчеству Вазов прибегал сравнительно редко» и что Вазов является «автором известного числа новых слов, до сих пор еще не собранных и не изученных»⁶. Э. Пернишка, автор ряда работ о лексике И. Вазова, также констатирует, что «в целом Вазов не проявляет сильной склонности к словопроизводству» и что количество его собственных лексических неологизмов невелико⁷. Другие исследователи результаты словотворчества этого писателя оценивают иначе. По мнению Р. Русева, «в языке Вазова слов, образованных им самим, довольно много»⁸. С. Младенов считает, что «Вазов сам создал много новых слов, одни из которых теперь забыты, а другие украшают родную речь»⁹. В другом месте он пишет: «Слов, которыми Иван Вазов обогатил болгарский словарь, — не несколько десятков, а несколько сотен, но их выявление — дело очень трудное, а в немалом числе случаев

и просто невыполнимое»¹⁰. В ранней статье о языке И. Вазова в оценке его словотворчества С. Младенов был более осторожен. «Нет сомнения, — писал он в 1921 г., — что новая болгарская литература обязана Вазову определенным, наверное, не совсем незначительным числом новых слов»¹¹. Примерно также оценивал словотворчество И. Вазова несколькими годами до него Б. Ангелов. Указав на то, что И. Вазов в целом меньше создает новых языковых средств, чем избирает их из разных диалектов, Б. Ангелов писал: «При всем том есть немало случаев, в которых Вазов выступает как творец новых слов, причем такой творец, который не лишен здравого чутья свойств и духа болгарского языка»¹².

В опубликованных работах исследователей приводятся следующие списки слов, считаемых лексическими новообразованиями самого И. Вазова.

По мнению Б. Ангелова, И. Вазов создал следующие слова: *дворище, плетище, долище, горище, хорище, шептеж, пламтеж, топеж, болеж, летеж, разядка, прядка, платка, укривка, ръковод, почтенство, хвърчач, изкусник 'артист', квак, грак, еклив, всемир, отгатка, лепост, хвалбив, пушлив, пенен, травен, любен, упоен, изглузен, уперчен, гъстък, бистролеен, богомолен, злосмутен, противоскучен, неповолец, а также плицък и прасък, о которых Б. Ангелов замечает, что их скорее следует рассматривать как редко встречающиеся, чем новые, т. е. созданные И. Вазовым¹³, слова.*

С. Младенов в статье 1921 г., приведя ряд слов из числа тех, которые Б. Ангелов считает творениями И. Вазова, указывает, что исчерпывающее изучение лексики всех стихотворных и прозаических произведений писателя показало бы, что список его новообразований, возможно, следовало бы пополнить словами *захлас, лаеж* вместо *лай, летеж* (приводится и Б. Ангеловым), *напън, избух, поклат, бъбър, настръхен* (в форме мн. числа: *настръхни ужаси*), а также и *накип* в сб. «Люляка ми замириса» (1919). О *накип* С. Младенов делает оговорку, что он не имел возможности проверить, не употреблено ли оно кем-либо уже до И. Вазова, но тут же добавляет: «похоже, что оно тоже (творение) Вазова»¹⁴. В статье 1950 г. С. Младенов приводит гораздо больший список слов, которые он с большей или меньшей уверенностью относит к числу собственных новообразований И. Вазова. Таковы *безисход, бълнувач, вариклечковска българия, вовчоваме се* или *вовчуваме се, деблив, денгубство, жизнедарен, жизнелюбивост, жизнерадостност, жълтоуст, зазвезда, издиг, кипезжен, млечногърди, мурголик, настръх, настръхни, нахлув, ногоболие, пастърмян, поклат, рукло, сърцеядец, талазлив, ухораздирателен*. В статье приводится и ряд других слов без каких-либо оговорок или указаний на их народно-разговорное или старинное происхождение: *гръмот, злочинство, кучеловец, избух, окаляник, шумаче, мързелец, ливадяк* вместо *ливадак, заторус, черномур, оттласкателен*. Очевидно, эти слова С. Младенов тоже рассматривал как новообразования самого И. Вазова¹⁵.

По мнению Л. Андрейчина, к словам *шептеж, пламтеж, топеж, летеж, захлас, неповолен, укривка, хвалбиво, разядка, избух, плоч-*

ник, изкусник, приведенным в статье Б. Ангелова (впрочем, *плочник* у него отсутствует), могут быть добавлены следующие новообразования И. Вазова: *примеждлив (път)*, *създавници*, *влагалица (на науката)*, *усетна (загуба)* и другие, не названные им, слова ¹⁶.

Р. Русев приводит следующие слова, созданные, как он полагает, И. Вазовым: *търгувач*, *возач*, *подсвиркач*, *излетач*, *зъбоизваждач*, *резач (на човешко месо)*, *показвач (на кукли)*, *паяч (на фитил)*, *карантинопазец*, *кучеловец*, *черпитель*, *задирник (на хубавите жени)*, *дохват*, *издиг*, *излив*, *нахлув*, *настръх*, *суровщина*, *дивашкост*, *смешност*, уменьшительные *барица*, *димец*, *радостчица*, (*розово*) *мирче*, *крясчета*, *крикчета*, прилагательные *железничен (мост)*, *огнищен (светлик)*, *ханска (порта)*, *барьерна (барака)*, *сладкови (лъжички)*, *стаен*, *петостаен*, *славейчески* ¹⁷.

В числе новообразований И. Вазова «наиболее распространенными» Э. Пернишка считает сложные слова *турколюбец* 'туркофил', *славянолюбец* 'славянофил', *вестникопродавец* 'продавец газет', *воськоцветен*, *мурголик*, *ухораздирателен* 'острый, пронзительный', *тронопохитител* 'узурпатор', *игрословие* 'игра слов, каламбур', *гръбнаколомение* 'раболепие', *бикоглавство* 'твердолобость', *сърцеленяващ* 'увлекательный', *хитрословец*, *сърцеобилен*, *космонастръхвателен* 'страшный, ужасный', *труповонен* 'смердный', целый ряд простых слов — *излетач* 'турист', *бълнувач* 'мечтатель', *спъвало* 'преграда, препятствие', *набедник* 'клеветник', *съслужник* 'коллега', *бедуване* 'мука, страдание', *заможник* 'богатай', *дрехарница* 'гардероб', *премеждлив* 'опасный', *отблъсквателен*, *оттласквателен* 'антипатичный', *настръхен*, *тронувам* 'царствовать', *питливо* 'вопросительно' (или 'вопросительное'), *съгласително* 'утвердительно' (или 'утвердительно?') ¹⁸.

Единичные примеры новообразований И. Вазова указывают С. Попов — *благовермие*, *лотост*, *топлик* (в повести И. Вазова «Немили-недраги», 1883—1884) ¹⁹, Е. Георгиева — *синева*, *стремеж* ²⁰. В ряде работ Р. Русинова приводится часть слов, указанных в работах его предшественников, — *шептеж*, *пламтеж*, *топеж*, *летеж*, *захлас*, *плочник*, *неповолен*, *укривка*, *разядка*, *избух*, *изкусник*, *примеждлив (път)*, *създавници* ²¹, *захлас*, *синева*, *плочник*, *стремеж*, *пламтеж*, *летеж* ²², а в совместном труде Р. Русинова и С. Георгиева к новообразованиям И. Вазова, по-видимому, отнесены *стремеж*, *синева*, *летеж*, *влак* ²³. М. Москов иллюстрирует словотворчество И. Вазова словами *пламтеж*, *топеж*, *шептеж*, *дворище*, *плетище* ²⁴, а С. Василев, кроме них, также и словами *кипеж*, *ехтеж* ²⁵.

В действительности далеко не все приведенные здесь слова являются лексическими новообразованиями И. Вазова. Даже случайный собранный нами материал показывает, что целый ряд из них встречается в болгарском языке не только до выхода в свет конкретных произведений писателя, где то или иное якобы им созданное слово было впервые употреблено, но и до начала его литературной деятельности и даже до его рождения. Ниже рассматриваются в алфавитном порядке некоторые из таких слов.

Б л а г о в р е м и е. Это слово, вопреки мнению С. Попова, употреблялось в болгарском языке уже задолго до выхода в свет не только повести И. Вазова «Немили-недраги», но и первых его сочинений. Так, оно неоднократно встречается в книгах, изданных разными авторами в середине 40—начале 50-х годов — П. Пиперовым²⁶, А. Гранитским и П. Кисимовым²⁷. См. также: Чудесата на вселенската система. . . подавали му [учителю] безпрестанно *благовремие* да просвьѣти словесността на своите ученицы (Нар. пр., 37). Встречается *благовремие* и в письмах болгарского революционера В. Левского²⁸, казненного османскими властями за двадцать лет до выхода в свет повести И. Вазова. Слово это зафиксировано уже в словаре И. Богорова (Бог. Б.-ф. р., 13). К. Ничева относит *благовремие* к словам, «слабо распространенным в эпоху Возрождения»²⁹, т. е. во второй половине XVIII—70-е годы XIX в. Действительно ли это так, сказать без соответствующей проверки обширного материала трудно. Но из сказанного совершенно ясно, что И. Вазов не был создателем слова *благовремие*.

В л а к . Мнение о том, что *влак* 'поезд' создано (Н. Хайтов) или введено в болгарский язык (С. Георгиев, Р. Русинов) И. Вазовым, неверно, поскольку слово это встречается в болгарском еще до того, как его стал употреблять И. Вазов. Хронологически первая, известная нам фиксация *влак* 'поезд' относится к 1873 г., что отмечено уже в словаре А. Дювернуа с указанием и источника — чеш. *vlak*: Каква е сила-та на парж-тж това лесно може да се разбере, ако ся погледне прввй *влак* по желѣзници-ти „Летоструй“, 1873, 195—Дювернуа, 248). Мы не знаем, когда именно *влак* 'поезд' было впервые употреблено И. Вазовым, но можем сказать, что в его сочинениях, изданных до 1874 г., оно не встречается, и, следовательно, нет никаких оснований ставить ему в заслугу создание данного слова.

Г р ъ м о т . О *грѣмот* С. Младенов пишет, что это производное от *грѣм*, *грѣмя* слово «не встречается в болгарских словарях, но имеет, уже получило „право гражданства“ в болгарском литературном языке, ибо оно использовано И. Вазовым в [романе] „Нова-земя“»³⁰. В действительности *грѣмот*, как уже отмечал и Р. Русев³¹, встречается в т. I словаря Н. Герова, вышедшем за год до публикации названного романа И. Вазова. Н. Геров — в соответствии с принятой им орфографией — пишет *грѣмотъ*, поясняя его словом *грѣмотевица* (у него — *грѣмотевица*) и примером «Грѣмотъ отъ топовы» (Геров I, 255). Пример Н. Герова и значение 'вик, глъч, грѣмлявина, грѣмеж, грѣмот, грѣм, трясък, шум, шамата, гюрултия' (т. е. 'грохот, шум'), свойственное слову *грѣмотевица*, которым Н. Геров поясняет *грѣмот*, свидетельствуют о том, что по своему значению *грѣмот* у И. Вазова не было новым для болгарского языка словом. Последний толковый словарь литературного языка приводит *грѣмот* с пометой «диалектное» и ссылкой на Н. Герова (РБЕ III, 436). Есть все основания, таким образом, полагать, что *грѣмот* — не новообразование И. Вазова, а народное болгарское слово.

Д в о р и щ е . В том, что это слово создано И. Вазовым (Б. Ан-

гелов, С. Василев, М. Москов), заставляет сомневаться уже его фиксация в словаре А. Дювернуа с примером из статьи Х. Данова, опубликованной в 1869 г., т. е. до написания первых сочинений писателя: Той гы научи да непръскаат тора (гюбрето) по дворищата си («Лето-струй», 1869, 132 — Дювернуа, 469); ср. и более поздний пример из того же ежегодника за 1876 г.: да прекара презъ дворища-та имъ една рѣка (с. 54). В приведенных примерах, правда, выступает форма не ед. ч. *дворище*, а мн. ч. *дворища*, которую Х. Данов вероятнее всего соотносил с формой ед. ч. *двор*, поскольку именно *двор*, а не *дворище* употреблено им дважды в продолжении цитированного выше примера: по двора имъ всякога е нечистота и смрадь, по всякой да ископае по единъ трапъ на странж въ двора си (ср. у Дювернуа, 1655: *плетища* при *плет* с примерами на форму мн. ч. *плетища*, *плетиштата*, *плѣтешца*). Поскольку, однако, А. Дювернуа приводит *дворище* в качестве заглавного слова, можно полагать, что в его коллекции примеров, видимо, была и такая форма. Однако бесспорным подтверждением того, что слово *дворище* было известно в болгарском языке уже до рождения И. Вазова, является его наличие в ряду слов на *-ище*, приведенных еще в 1844 г. И. Богоровым³².

Д е б л и в. С. Младенов отмечает, что «в болгарских словарях нет прилагательного *деблив* от корня общеизвестного глагола *дебя*»³³. Такое прилагательное, которое он характеризует как «хорошо образованное» («добре стъкмено»), использовано И. Вазовым в романе «Нова земя»³⁴. С. Младенов, однако, ошибается. Прилагательное *деблив* приводится в изданном за четверть века до этого словаре И. Богорова, где оно переведено фр. *gnetteur* (Бог. Б.-ф. р., 71). Очевидно, что считать И. Вазова создателем этого слова нет оснований.

Д е н г у б с т в о. Отсутствие этого слова в «Пълен българо-английски речник» К. Стефанова (1914) С. Младенов расценивает как доказательство того, что оно создано И. Вазовым, употребившим его в романе «Нова земя» (ср. у С. Младенова: «Вазовото *денгубство*»)³⁵. Между тем *денгубство* зафиксировано уже в словаре И. Богорова, где оно переводится фр. *la friponnerie, la coquinerie* (Бог. Б.-ф. р., 72). Данные словаря И. Богорова, таким образом, свидетельствуют против приведенного мнения С. Младенова.

Д р е ш н и к. Если Н. Хайтов (возможно, и С. Василев) уверенно относит *дрешник* 'гардероб' к новообразованиям И. Вазова, то М. Москов³⁶ и К. Попов³⁷ совершенно определенно считают, что оно создано известным болгарским филологом акад. А. Теодоровым-Баланом (1859—1959)³⁸. Поскольку в работах названных авторов время первого употребления слова *дрешник* А. Теодоровым-Баланом и И. Вазовым или того их сочинения, где оно употреблено ими впервые, не указывается, то установить, кто из них — А. Теодоров-Балан или И. Вазов — употребил *дрешник* раньше другого, можно лишь после соответствующего изучения лексики их текстов. Сам факт употребления этого слова одним из них раньше другого, естественно, еще не означает, что оно создано именно им, а не кем-то другим до него. В связи с этим отметим форму мн. ч. *дрешници*

в «Автобиографии» Г. Пырличева, написанной в 1884—1885 гг.: «Днескы ты не си добро прѣкръстиль» и въ единъ мигъ много жандармы се всунѣхъ въ кѣщѣтъ, отворихъ лавицы и *дрешницы*, и разбихъ ковчезы (СбНУ, 1894, XI, 374). Очевидно, формой ед. ч. этого слова у Г. Пырличева является *дрешникъ*, хотя в принципе словообразовательно и семантически возможна как будто и *дрешница* (ср. написания *дрешницы* и *лавицы* в приведенном примере при несомненной форме ед. ч. *лавица*, но и *ковчезы* при ед. ч. *ковчезъ*). Приведенный пример — наиболее ранний из известных нам случаев фиксации слова *дрешник*. Употреблено ли оно в текстах И. Вазова и А. Теодорова-Балана до написания «Автобиографии» Г. Пырличева, мы сказать пока не можем³⁹. К сказанному надо добавить, что, как писал в 1921 г. С. Младенов, словом *дрешник* в Софийской народной библиотеке уже давно называлось «место, где хранятся одежда и шляпы посетителей»⁴⁰. Ср. также и мнение Л. Селимского, полагающего, что А. Теодоров-Балан, вероятно, взял слово *дрешник* из народных говоров⁴¹.

Относительно *дрешник* есть все основания полагать, что это народное по своему происхождению слово. Доказательством этому служат известные факты достаточно широкого употребления его в народных говорах. Составители этимологического словаря указывают (со ссылкой и на диалектные источники конца XIX в.) на употребление *дрешник* в говорах районов Дрянова, Старой Загоры, Чирпана, Чаталджи, Адрианополя (БЕР I, 426), что следует понимать как подтверждение ими не книжного (индивидуально-авторского), а народно-разговорного происхождения этого слова. В этом отношении особенно важно, что *дрешник* 'долап за дрехи' зафиксировано в говорах, расположенных на территории Европейской Турции сел Тарфа (р-н Чаталджи) и Софулар (р-н Адрианополя), где возможное влияние болгарского литературного языка следует, по-видимому, полностью исключить. Новые работы по диалектологии фиксируют *дрешник* и в других говорах в значении 'стая, където се държат дрехи, постели, завивки' (с. Тодевци, р-н Елены)⁴², 'оградено място за подреждане на постелките и завивките' (Добруджа)⁴³, 'малка стая, която обикновено е без прозорец и е предназначена за дрехи, покъщина и пр.' (р-ны Варны, Ямбола, Видина)⁴⁴. В лексикографии *дрешник* впервые было отмечено, по-видимому, лишь в 1908 г. в дополнении к словарю Н. Герова (Геров VI, 103).

Ж ъ л т о у с т. О прилагательном *жълтоуст* С. Младенов писал, что, возможно, его употребил кто-то и до И. Вазова, использовавшего его в романе «Казаларската царица» (1903), но что до издания полного болгарского словаря («всебългарски речник») следует считать, что оно, должно быть, «создано Вазовым в одном из поздних его произведений»⁴⁵. Из двух предположений С. Младенова верным оказывается первое: слово *жълтоуст* действительно употреблялось в болгарском языке еще до начала литературной деятельности И. Вазова, например: Па тукъ сега не знае чловѣкъ кого прѣвѣ да жяли и да окайва: да ли стары-ты . . . или пѣкъ млады-ты и *жълтоусты-ты*, кой-то еще за въ ничто не рѣкли: Боже помози! («Летоструй», 1869,

124). Этот пример (в сокращенном виде) приведен в словаре Дювернуа 635, что, как видим, не попало в поле зрения С. Младенова.

Л ю т о с т. С. Попов, указавший это слово в числе новообразований И. Вазова в повести «Немили-недраги», видимо, полагает, что писатель впервые употребил его именно в этом произведении. В действительности же *лютость* употреблено И. Вазовым уже в стихотворении «Борът», написанном в 1870 г.: Аль какъ побѣдитель, що врага си гледа | бездушенъ въ крака си слѣдъ славни борби, | безъ гордость, безъ *лютость*, забравя побѣда | и дава му почестъ и даже скърби («Периодическо списание», 1872, 5—6, 203). Но *лютость* употреблялось в болгарском языке задолго до этого. Отметим прежде всего, что оно было известно уже в древнеболгарском языке. Об этом свидетельствует в частности Супрасльская рукопись, где *люгоста* встречается в двух значениях — ‘жестокость, беспощадность, лютость’ и ‘суровость (природы)’⁴⁶. Ср. *лютость на студа* в повести И. Вазова «Немили-недраги», которое имеет в виду С. Попов, и *люгоста кзздохъ*, Супр. 77, 25. Слово *лютость* широко употреблялось в новоболгарском языке XVII—XVIII вв., в чем убеждают данные памятников новоболгарской письменности того времени — дамаскинов Копривщенского (135), Котельского (9 об.)⁴⁷, Троянского (25, 206), Тихонравовского (14 об., 107 об., 170 об., 233), Свиштовского (399). Широко употребляется *лютость* и в сочинениях первой половины XIX в., например, в «Недельнике» Софрония Врачанского (1806)⁴⁸, в сочинениях И. Кырчовского (1814—1819)⁴⁹, у И. Богорова⁵⁰ и др.; ср. также: Обаче немыслете че добро дѣло може да стане съ *лютость* и гнѣвъ (Пр. сов., 2). Еще до опубликования стихотворения «Борът» И. Вазова слово *лютость* фиксируется в 1855 г. в словаре М. Павлева и А. Живкова, где оно дано в ряду с *ядъ, отрова, отрава, гнѣвъ, лютина* как болгарское соответствие турцизму *zehirь* (Павлев—Живков, 22), и в 1871 г. в словаре И. Богорова, который *лютость* приводит с французскими соответствиями *la violence, véhémence, férocité, cruauté, atrocité, immanité, fougé* (Бог. Б.-ф. р., 186). Позже *лютость* ‘лютба, лютина, яд, гняв, сертлик’ фиксируется и в словаре Н. Герова (Геров III, 37).

Приведенные данные убеждают в том, что И. Вазова никак нельзя считать не только создателем, но и «возродителем» старого в болгарском языке слова *лютость*.

Н о г о б о л и е. С. Младенов считает, что И. Вазов «еще в начале нашего века исполнил свой долг ревнителя чистоты болгарской речи и перевел греческое слово *подагра* словом *ногоболие*»⁵¹. Приведя пример на употребление *ногоболие* в романе «Казаларската царица», С. Младенов замечает: «С тех пор как сам Вазов заменил *подагра* словом *ногоболие*, грецизм *подагра* потерял свое мнимое «право на гражданство» в болгарском литературном языке и может уступить свое место слову *ногоболие*»⁵². БТР и РСБКЕ *ногоболие* не фиксируют. С пометой «редкое» его приводит РРОДД 296, где приведен тот же пример из «Казаларской царицы» И. Вазова, который имеет в виду и С. Младенов. Что касается мнения С. Младенова, то оно неверно, ибо *ногоболие* ‘подагра’ употреблялось в болгарском

языке и до выхода в свет названного романа И. Вазова. Ср., например, в книге, переведенной А. Гранитским и изданной в 1858 г., когда И. Вазову было всего 8 лет: Всичкы-ти разради отъ жители-ты кынезскы правать голѣмо употрѣбленіе чай и мыслать че са избѣгва *ногоболѣ*, камень въ мѣхура и коликы-ти (санджи-ти) въ почкы-ты (бжбреци-ты) съ употрѣбленіе безъ мѣркж чай (Тр. рѣк., 233). Является ли этот пример первой фиксацией в болгарском слове *ногоболѣ* и, следовательно, является ли А. Гранитский его создателем или же оно могло быть ему известно из других источников, сказать пока трудно.

П а р о в о з. Н. Хайтов полагает, что слово *паровоз* создано И. Вазовым, который заменил им иноязычное *локомотив* 'паровоз'⁵³. С. Василев также ставит в заслугу И. Вазова то, что он заменил *локомотив* словом *паровоз*, не подчеркивая, впрочем, что последнее создано именно И. Вазовым⁵⁴. К какому времени относят Н. Хайтов создание, а С. Василев замену И. Вазовым *локомотив* словом *паровоз*, они не указывают. Если говорить о замене, то она, судя по наблюдениям С. Младенова, относится у И. Вазова, видимо, к концу XIX — началу XX вв., когда И. Вазов в ряде своих произведений «предпочитает» *паровоз* слову *локомотив*⁵⁵.

В действительности же ни созданием, ни распространением слова *паровоз* болгарский язык И. Вазову не обязан. В современном литературном языке это слово устаревшее: РСБКЕ вообще его не фиксирует, БТР приводит с пометой «устаревшее» (538), а РРОДД фиксирует *паравоз* и *паровоз* с пометами «книжное, устаревшее» (337, 338). Слово *паровоз* (*паравоз*) довольно широко употреблялось в болгарском языке уже до выхода в свет первых сочинений И. Вазова и в первые годы его творчества, когда в опубликованных его произведениях оно еще не встречается, например, у Г. Йошева (1861): По тья [желѣзни] пѣтица ся прѣминува съ помощь-тж на *паровоза* до 100 чяса и повече въ едно денонощіе (Кр. вс. ист., 352); у Х. Данова (1868 г.): *Паровозъ* (локомотивъ) прѣминува въ чясъ 72000 лакти разстояніе (Числ., 74 — АВР); Конь-тѣ врвыи четыре пѣти по-полегка отъ *паровоза* (там же); *Паровозъ* (огненны кола) въ 1 секунда прѣминува 16 лактіе и 5 рупа (Там же, 222); у Й. Груева (1872 г.): Най-много пара ся троши по параходы-ты (вапори-ты) и по *паровози-ти* (локомотиви, огненны кола) (Физ., 104); *Паровозъ* по желѣзны пѣтица прѣкарва лесно и брьзо голѣмы товары въ далечны страны и то пд брьзо и отъ вѣтѣра (там же, 101; этот же пример, но без указания сочинения Й. Груева приведен и в РРОДД, 358); Парата откъ ся тури на работж по *паровозы* и пароплувы до толкова скжси длѣгыты пространства, чѣто сега чловѣкъ може заобыколи земѣтж за 8 дни («Легоструй», 1871, 201—АВР); у И. Гюзелова (1874): Ето защо *паровози-тѣ* сж машины съ високо палѣганіе (Фзк., 194—АВР). Приведенные примеры показывают, что считать *паровоз* новообразованием И. Вазова нет никаких оснований.

К этому следует добавить, что *паровоз* (как и *паравоз*) в болгарском представляет не собственно новообразование этого языка, а заимствование из русского (БТР, 538; РРОДД, 338).

П л а т к а. В работах последних десятилетий *платка* в числе новообразований И. Вазова не приводится, но в них и не отмечается ошибочность мнения Б. Ангелова о создании И. Вазовым этого слова для рифмы со словом *сладка* в сборнике стихотворений «Поля и горы» (1884). В действительности же *платка* встречается в болгарских текстах, написанных за несколько десятилетий до издания названного сборника И. Вазова. Например, в значении 'плата, заработная плата' встречаем его в письме старозагорских чорбаджиев Неофиту Рильскому от 7.XII 1845 г. (еще до рождения И. Вазова): Заради това исками да ни отпишите сжсь коя *платка* годишна сте благодарни (Сб. БАН, 1926, 21, 271); в том же значении и позднее, уже в 70-е годы: да си поприказватъ за лошитѣ врѣмена, които ги сполѣтъбли поради умяляванѣто на *платката* и подскѣпванѣто на кагтадневныгѣ имѣ потреби («Читалище», 1874, 8, 219). В значении 'платеж, оплата' это слово неоднократно встречается у С. и Х. Караминковых (1850): Господарь-тъ на мѣнителницѣ-тъ трѣба тозь чясь да направи протесто срѣщо приимателя, и да го принуди за *платкѣ-тъ* ѝ (Дипл., 160); ср. здесь же и *неплатка*: тогава става друго протесто за *неплаткѣ-тъ* ѝ (158); у А. Гранитского (1858): Корабленачалникъ-тъ не може да дръжи въ корабль-тъ си стоки-ты за *платкѣ* на наема си (Тр. рѣк., 139); у Х. Данова (1869): *Платка-та* за прѣносъ (porto) на едно обыкновенно писмо за разстояние от 100 часа е 60 пары («Летоструй», 1869, 47); За писмо по-тяжко отъ 3 драма плаща ся за всякой притурень драмъ половинѣ отъ *платкѣ-тъ* на обыкновенно писмо (там же). Отметим, что *платка* 'плата, жалованье' приводится к словаре А. Дювернуа с примерами из поэмы Г. Раковского «Горски пътник» (1857) и ежегодника «Летоструй» за 1869 г. (Дювернуа, 1658), а еще ранее в словаре М. Павлева и А. Живкова как одно из болгарских соответствий (наряду с *плата*, *заплата*) турцизму *хак* (Павлев—Живков, 54). Очевидно, Б. Ангелову фиксация *платка* в этих словарях не была известна.

П р е я д к а. Мнение Б. Ангелова о создании этого слова И. Вазовым, употребившим его в сборнике «Видено и чуто» (1901), не оспаривается и в наше время. В действительности же *преядка*, как это видно и из словаря А. Дювернуа, употребляется в болгарском языке до издания не только названного сборника, но и первых сочинений И. Вазова. См., например, в одной из статей Х. Данова: А найлошы-ты сж лангыды и други таковы прѣпрѣжены *прѣядкы*, кои-то често докарватъ. . . на дѣтца-та проливъ или затворъ («Летоструй», 1869, 95); Слама-та е добра за *прѣядкѣ* на добыче-то (там же, 212). Словарь А. Дювернуа, кроме последнего примера, приводит еще два из изданий 1872—1874 гг. (Дювернуа, 1893). Ср. и пример на *преядка* (не позднее 1876 г.), приведенный с пометой «народное» в РРОДД, 389. Отметим также, что Н. Геров для *преядка* указывает два значения, одно из которых, именно 'сухо или студено ядене помежду другити ястия или след тях' (Геров IV, 392), имеет это слово и в примере из И. Вазова, рассматриваемом Б. Ангеловым. Очевидно, что *преядка* — не новообразование И. Вазова.

С ъ з д а в н и к. Мнению Л. Андрейчица о создании *създавник*

И. Вазовым противоречит тот факт, что это слово отражено уже в словаре И. Богорова с французскими соответствиями *un createur, un père*, также и в словосочетании *създавникъ всъвышний (бог)* = фр. *fabricateur souverain* (Бог. Б.-фр., 414). В сочинениях И. Вазова, написанных до издания словаря И. Богорова, *създавник* не встречается. Является ли *създавник* новообразованием самого И. Богорова или же оно употреблялось и до него или было создано кем-либо из его современников, сказать без тщательного изучения соответствующего материала невозможно.

Т о п л и к. Относительно этого слова, относимого С. Поповым к числу новообразований И. Вазова в повести «Немили-недраги», надо заметить, что оно содержится в словаре Н. Герова, где указано пять его значений: 'топлото време през годината; топлина; топъл извор; място на река, дето зиме никога не замръзва; вир, дълбоко място на река, дето рибити прекарват зимата' (Геров V, 345). Наличие *топлик* в этом словаре уже может служить доказательством того, что данное слово не является новообразованием И. Вазова. Убедительным подтверждением этого служит и тот факт, что в словаре И. Богорова, т. е. еще до употребления *топлик* в названной повести И. Вазова, приводится *топлик* с французским переводом *la chaleur* (= русск. *теплота*), а также *serge chaude* (= русск. *теплица*); там же и *турям в топлик* = фр. *ensejger* (= русск. *помещать в теплицу*) (Бог. Б.-ф. р., 427). Отметим также, что А. Дювернуа фиксирует *топлик* 'теплый ключ' с примером, датированным 1873 г. (Дювернуа, 2357). Приведенные данные показывают, что считать И. Вазова создателем слова *топлик* нет никаких оснований. Э. Пернишка относит его к словам диалектного происхождения⁵⁶.

Х в а л б и в. Мнение Б. Ангелова о создании И. Вазовым этого прилагательного поддерживается Р. Русиновым⁵⁷ и не оспаривается Л. Андрейчиным⁵⁸. Согласно Б. Ангелову, *хвалбие* употреблено И. Вазовым в сборнике «Видено и чуто» (1901). Между тем уже за три десятилетия до этого оно было включено в словарь И. Богорова с французскими соответствиями *vaniteux, fanfaron, jactancieux, suffisant, gascon* и др. (Бог. Б.-ф. р., 454). Здесь же приведены и производные от *хвалбие* абстрактные существительные *хвалбивост* и *хвалбивство*.

Ш у м а ч е. Об этом уменьшительном существительном, употребленном И. Вазовым в одном из рассказов сборника «Драски и шарки» (1895), С. Младенов пишет, что его нет «в больших словарях болгарского языка»⁵⁹. На самом же деле оно содержится в словаре А. Дювернуа с переводом рус. *рощица*, где дан следующий пример из переведенной И. Богоровым книги «Робинзон Крузо» (которая была издана в 1849 г., т. е. за год до рождения И. Вазова): Най сетнѣ съгледа нѣкоя гжсти растенія на една могилка, които бѣха като едно образование, но даже и введение (первое употребление) слова *шумаче* 'рощица (густая)', в литературный язык не может быть поставлено в заслугу И. Вазову.

Рассмотренный выше материал показывает, что в освещении личного вклада И. Вазова в обогащение лексики болгарского языка имеется много неверного. Вопрос о том, какие слова были действительно созданы этим писателем, еще нуждается в дальнейшем изучении, а это невозможно без тщательного учета лексики сочинений его современников и предшественников. Приведенные примеры мнимых вазовизмов лишней раз убеждают в правомерности неоднократно высказывавшихся предостережений от преждевременности безоговорочных заключений о создании тех или иных слов конкретными писателями и другими деятелями культуры.

- 1 Так поступают, например, авторы нового толкового словаря болгарского литературного языка, в конце словарных статей которого в числе других сведений справочного характера указывается и наиболее ранний литературный источник употребления новых слов: *анекдот* — «Примеры исторически Петко Славейкова, 1868 (РБЕ, I, 267), *безкнижен* — «Любословие» Константина Фотинова, 1842 (там же, 481—482), *гнол* — «Момина китка» Крыстю Пишурки, 1872 (там же, III, 241) и др. В принципе так же поступают и авторы этимологического словаря, в котором отмечается год самой ранней фиксации отдельных заимствований или автор, впервые их употребивший (БЕР, I, с. VII). Иногда, впрочем, автор указан здесь и при собственно болгарских (не заимствованных) словах. Например, в статье на *дея* при слове *деец* в скобках указана фамилия Богорова (БЕР, I, 351). Очевидно, авторы БЕР полагают, что *деец* впервые зафиксировано в каком-то сочинении И. Богорова.
- 2 *Андрейчин Л.* Някой въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език във връзка с историческите условия на нашето възраждане. — БЕ 1955, 4, 315.
- 3 *Хайтов Н.* Вълшебното огледало. — Септември, 1980, 8, 36; *Он же.* Вълшебното огледало. София, 1981, 32.
- 4 Соответствующий материал см.: *Венедиктов Г. В.* К истории болг. часовник. — В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, 81—89; *Он же.* К истории слов современного болгарского литературного языка. — Советское славяноведение, 1968, 3, 40—48; *Он же.* К изучению истории лексики современного болгарского литературного языка. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, 5—38. — История болг. *вестник* 'газета' будет посвящена отдельная заметка.
- 5 См. соответственно с. 37 и 32 указанных в списке 3 изданий.
- 6 *Андрейчин Л.* Иван Вазов и българският език. — В кн.: Иван Вазов. Сборник по случай сто години от рождението му. София, 1950, 175; *Он же.* Иван Вазов — певец, строител и майстор на родния език. — В кн.: Език и стил на Иван Вазов. София, 1975, 18—19; *Он же.* Из историята на нашето езиково строителство. София, 1977, 242. — Такой же точки зрения придерживаются и другие ученые. См., например: *Русинов Р.* Учебник по история на новобългарския книжовен език. София, 1980, 223.
- 7 *Пернишка Е.* Общонародно и индивидуално в речника на Иван Вазов. — В кн.: Иван Вазов. Сборник по случай 125-годишнината от рождението на писателя. Пловдив, 1976, 206.
- 8 *Русев Р.* Бележки за езика на Иван Вазов. — БЕ 1960, 4, 352.
- 9 *Младенов М.* Иван Вазов като образец ревнител за български език и слог. — В кн.: Иван Вазов. Сборник по случай сто години от рождението му, 296.
- 10 Там же.
- 11 *Младенов С.* Към оценката на Вазовата дейност от езиковно-историческо гледище. — В кн.: Иван Вазов. Живот и творчество. За седемдесетгодишнината от рождението му. 2-ро изд. София, 1921, 149.

- ¹² *Ангелов Б.* Стремежи и похвати за строителството в книжовния ни език в ново време. — В кн.: Сборник в чест на професор Л. Милетиц по случай на 25-годишната му книжовна дейност (1886—1911). София, 1912, 3.
- ¹³ Там же, 3—7.
- ¹⁴ *Младенов С.* Към оценката на Вазовата дейност. . . , 149—150.
- ¹⁵ *Младенов С.* Иван Вазов като образец ревнител. . . , 273—288.
- ¹⁶ *Андрейчин Л.* Иван Вазов и българският език, 175; *Он же.* Иван Вазов — певец. . . , 18—19; *Он же.* Из историята на нашето езиково строителство, 242. — Некогорые из приведенных здесь слов указаны также в статье: *Андрейчин Л.* Полята на Иван Вазов в изграждането на българския книжовен език. — БЕ 1970, 6, 511.
- ¹⁷ *Русев Р.* Указ. соч., 352—353.
- ¹⁸ *Пернишка Е.* Указ. соч., 206—207.
- ¹⁹ *Попов С.* Езиковно-стилни и синтактични особености на повестта «Немилинедраги», Ив. Вазов. — Език и литература, 1979, 6, 88.
- ²⁰ *Георгиева Е.* Езикова култура и езиково обучение. София, 1979, 32.
- ²¹ *Русинов Р.* История на новобългарския книжовен език. Велико Търново, 1976, 178; *Он же.* Учебник по история на новобългарския книжовен език, 223.
- ²² *Русинов Р.* Речниковото богатство на българския книжовен език. София, 1980, 98.
- ²³ *Георгиев С., Русинов Р.* Учебник по лексикология на българския език, София, 1980, 44.
- ²⁴ *Москов М.* Борбата против чуждите думи в българския книжовен език. София, 1958, 85.
- ²⁵ *Василев С.* Българският писател и развитието на книжовния и художествения език. — БЕ 1961, 5—6, 474. — То же см. в кн.: *Василев С.* Строители на родната реч. Кн. 3. Очерци върху езика и стила на наши писатели. София, 1966, 192.
- ²⁶ *Ничева К.* Езикът на възрожденските преводи на «Приключенията на Телемаха» от Фенелон. — Известия на Института за български език, 1970, XIX, 600.
- ²⁷ *Gutschmidt K.* Studien zum Wortschatz der frühen bulgarischen Übersetzungsprosa. Berlin (1966), 118 (рогацприятное издание); *Гутшмидт К.* Замечания о роли новогреческого языка в развитии лексики новоболгарского литературного языка. — В кн.: Premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1968, 577.
- ²⁸ *Русинов Р.* Езикът на Васил Левски на тогавашната книжовно-езикова практика. — Език и литература, 1977, 4, 33.
- ²⁹ *Ничева К.* Указ. соч., 600. — Ср. с этим и мнение К. Босилкова, относящего *благоверие* к словам, «характерным только для традиционного литературного языка» (*Босилков К.* Разговорни и книжовни варианти в езика на възрожденската литература. — В кн.: Помагало по история на българския книжовен език. Възрожденски период. Съст. В. Попова. София, 1979, 39).
- ³⁰ *Младенов С.* Иван Вазов като образец ревнител. . . , 275.
- ³¹ *Русев Р.* Указ. соч., 352.
- ³² *Богоров И.* Първичка българска граматика. Букурещ, 1844, 23.
- ³³ *Младенов С.* Иван Вазов като образец ревнител. . . , 275.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Москов М.* За чист български език. София, 1976, 32.
- ³⁷ *Попов К.* Научното дело на видни български езиковеди. София, 1982, 25.
- ³⁸ По-видимому, к числу новообразований А. Теодорова-Балана относил слово *дрешник* още в начале XX в. А. Протиц, который в критической заметке о языке А. Теодорова-Балана приводит его в ряду слов, с его точки зрения, неправильно образованных (см.: *Москов М.* Борбата против чуждите думи в българския книжовен език, 66).
- ³⁹ Отметям, что В. Василев слово *дрешник* среди лексических новообразований Г. Пырличева в «Автобиографии» не указывает. См.: *Василев В.* Към въпроса за езика на Гр. С. Пырличев. (Лексика на «Автобиографията»). — Известия на Института за български език, 1970, XIX, 615.
- ⁴⁰ *Младенов С.* Към оценката на Вазовата дейност. . . , 141.

- ⁴¹ *Селимски Л.* Научно обоснован повик за чист български език. — Български език и литература, 1977, 5, 58.
- ⁴² *Петков П.* Еленски речник. — В кн.: БД VII. София, 1974, 35.
- ⁴³ *Радева В.* Лексикалното богатство на българските говори. София, 1982, 24.
- ⁴⁴ Там же, 51.
- ⁴⁵ *Младенов С.* Иван Вазов като образцов ревнител. . . , 277.
- ⁴⁶ *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977, 163.
- ⁴⁷ *Szymański T.* Słowotwórstwo rzeczownika w bułgarskich tekstach XVII—XVIII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, 128.
- ⁴⁸ *Ничева К.* Езикът на Софрониевия «Неделник» в историята на българския книжовен език. София, 1965, 94.
- ⁴⁹ *Цойнска Р.* Към характеристика на лексиката и устойчивите съчетания на съвременния български книжовен език от началото на XIX в. (върху материали от съчиненията на Йоаким Кърчовски). — В кн.: Въпроси на съвременния български език и неговата история. София, 1980, 22.
- ⁵⁰ *Gutschmidt K.* Studien zum Wortschatz. . . , 88.
- ⁵¹ *Младенов С.* Иван Вазов като образцов ревнител. . . , 282.
- ⁵² Там же, 283.
- ⁵³ См.: *Хайтов Н.* Вълшебното огледало. — Септември, 36; *Он же.* Вълшебното огледало. София, 1981, 37.
- ⁵⁴ *Василев С.* Българският писател. . . , 474; *Он же.* Строители на родната реч, 192.
- ⁵⁵ *Младенов С.* Към оценката на Вазовата дейност. . . , 139.
- ⁵⁶ *Пернишка Е.* Указ. соч., 201.
- ⁵⁷ *Русинов Р.* Художествена литература и книжовен език. (Участието на писатели и поети в изграждането и развитието на българския книжовен език). Велико Търново, 1978, 9.
- ⁵⁸ *Андрейчин Л.* Иван Вазов и българският език, 175.
- ⁵⁹ *Младенов С.* Иван Вазов като образцов ревнител. . . , 287.

Принятыя сокращения источников

- АВР — Картотека словаря болгарского языка эпохи Возрождения (Ин-т болг. яз. БАН, София).
- Бог. В.-ф. р. — *Богоров И.* Българско-френски речник. Виена, 1871.
- Дипл. — *Караминкови С.* и *Х.* Диплография или как ся дръжат търговски книги. Цариград, 1850.
- Кр. вс. ист. — *Иошев Г.* Кратка всеобща история и прости разкази ради юношества. Белград, 1861.
- Нар. пр. — Народно просвещение за полза на българските наставници. Цариград, 1850.
- Павлев—Живков — *Павлев М., Живков А.* Речник на думи турски и гръцки в языка българский. Букурещ, 1855.
- РБЕ — Речник на българския език. I—III. София, 1977—1981.
- РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език. I—III. София, 1955—1959.
- ПРОДД — Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. София, 1974.
- Тр. рък. — Търговско ръководство за тръгувание, промишленост, мореплавание и за търговски делаия. Превод А. Гранитскаго. Цариград, 1858.
- Фзк. — *Гюзелев И.* Ръководство към физиката. Прага, 1874.
- Физ. — Физика за главни народни училища от Д. Шуберт, преведена от Й. Груев. Виена, 1872.
- Числ. — *Данов Х.* Теоретическа и практическа числителница. 2-ро изд. Виена, 1868.